

Чиж Владимир Федорович

Тургенев как психопатолог

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
В57

В57 **Владимир Федорович Ч.**
Тургенев как психопатолог / Чиж Владимир Федорович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 106 с.

ISBN 978-5-521-30250-5

ISBN 978-5-521-30250-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сдѣлалъ Достоевскій. Мы вправѣ однако желать, чтобы Тургеневъ, какъ великій художникъ, поскольку онъ изображаетъ эти явленія, вѣрно указалъ на ихъ значеніе, вѣрно ихъ изобразилъ. Въ произведеніяхъ Тургенева мы находимъ описанія патологическихъ душевныхъ явленій только въ разсказахъ: „Клара Миличъ“, „Пѣснь торжествующей любви“, „Отчаянный“, „Разсказъ отца Алексѣя“, „Странная исторія“. Эти описанія мало обращали на себя вниманіе, и даже послѣдніе три разсказа признаются болѣе слабыми произведеніями Тургенева. Вообще, принято думать, что Тургеневъ, въ противоположность Достоевскому, не обращалъ вниманія на патологическія душевныя явленія. Тѣмъ болѣе необходимо изучить вышеуказанные разсказы Тургенева, чтобы выяснитъ, насколько вѣрно понималъ нашъ гениальный реалистъ патологическія душевныя явленія, насколько вѣрно онъ ихъ изображалъ. Если бы дѣйствительно Тургеневъ пользовался сумашествіемъ только для „удобства“, мы имѣли бы право утверждать, что Тургеневъ не далъ намъ полного изображенія жизни, пропустилъ весьма важныя явленія.

Изученіе изображеній или описаній патологическихъ душевныхъ явленій въ произведеніяхъ Тургенева составляетъ обязанность русскаго психіатра; только психіатръ можетъ выяснитъ, насколько вѣрно изображалъ душевно-больныхъ нашъ великій писатель, и объяснить вышеназванные разсказы. Такое изученіе произведеній Тургенева необходимо для полного пониманія созданнаго этимъ гениальнымъ романистомъ. Было бы грустно, если бы въ нашей литературѣ не было такого анализа произведеній Тургенева. О патологическихъ душевныхъ явленіяхъ въ драмахъ Шекспира написано около сорока изслѣдованій, и еще въ прошломъ году появилась на эту тему цѣлая книга Лера *). Въ томъ же году Мебіусъ опубликовалъ изслѣдованіе „О патологическомъ у Гёте“ **).

*) Laehr: Die Darstellung krankhafter Geisteszustände in Shakespeares Dramen. 1898.

**) Ueber das Pathologische bei Göthe. 1898.

Я почелъ своей обязанностью изучить въ этомъ направленіи произведенія Тургенева, тѣмъ болѣе что моя работа „Достоевскій, какъ психопатологъ“, обратила на себя вниманіе читателей.

Въ настоящей работѣ я придерживался слѣдующаго плана: отъ простыхъ психопатическихъ явленій переходить къ болѣе сложнымъ. Поэтому я и начинаю съ анализа разсказа „Отчаянный“, въ которомъ описано вырожденіе; затѣмъ перехожу къ „Кларѣ Миличъ“, такъ какъ въ этомъ разсказѣ описаны вырожденіе и обманы чувствъ. „Разсказъ отца Алексѣя“—это исторія болѣзни душевно-больного, страдавшаго обманомъ чувствъ и идеями бреда. „Пѣснь торжествующей любви“ и „Странная исторія“—два разсказа, въ которыхъ изображены явленія гипноза и внушенія. Настоящая работа, такъ же, какъ и „Достоевскій какъ психопатологъ“, имѣетъ между прочимъ своею цѣлью ознакомить неспециалистовъ съ патологическими душевными явленіями, и потому я счелъ необходимымъ привести въ этой статьѣ нѣкоторыя свѣдѣнія по психіатріи, необходимыя для пониманія затронутыхъ вопросовъ.

Я не могъ опубликовать этой работы раньше, потому что только въ прошломъ году появилось общедоступное изданіе произведеній Тургенева.

I.

„Отчаянный“—это небольшой разсказъ, не обратившій на себя вниманія критики и публики; несомнѣнно, что онъ не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Тургенева и ни по основной идеѣ, ни по разработкѣ этой идеи не могъ вызывать особаго интереса. Авторъ очень кратко описалъ прокутившаго свое состояніе дворянина и затѣмъ опустившагося до такой степени, что онъ собиралъ по большимъ дорогамъ милостыню, которую и пропивалъ въ обществѣ нищихъ. Какъ великій художникъ, Тургеневъ живо чувствовалъ, что такой несчастный пьяница не можетъ быть героемъ большой повѣсти или романа; онъ не можетъ

интересовать психолога, такъ какъ всѣ его психическіе процессы всецѣло обусловлены его физической организаціей. Отчаянный не можетъ жить той сложной и богатой душевной жизнью, которая приковываетъ вниманіе художника; авторъ только слегка, нѣсколькими штрихами, очертилъ отчаяннаго, но онъ нарисовалъ такой вѣрный, поразительно точный портретъ „высшаго вырождающагося“, что психіатръ, постоянно наблюдающій такихъ лицъ, можетъ только восхищаться необычайной точностью рисунка.

Такихъ прокутившихся и опустившихся до крайней степени пьяницъ, какъ отчаянный, къ сожалѣнію, не мало; всякій встрѣчался съ такими несчастными, многимъ приходилось имѣть съ ними дѣло; между тѣмъ какія превратныя сужденія о такихъ пьяницахъ имѣютъ не только неспециалисты, но даже врачи и юристы! Мы должны быть благодарны Тургеневу за то, что онъ въ этомъ маленькомъ рассказѣ объяснилъ намъ, что за люди—отчаянные, объяснилъ, почему вся ихъ жизнь такъ отличается отъ той, которой живетъ окружающее ихъ общество. Больше того, что сказалъ намъ объ отчаянномъ Тургеневъ, сказать о немъ и нельзя; сказаннаго вполнѣ достаточно, такъ какъ намъ данъ не только поразительно вѣрный портретъ, но и вполнѣ объяснены причины, порождающія отчаянныхъ. Этотъ небольшой рассказъ заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія, потому что онъ намъ объясняетъ весьма не маловажное социальное явленіе, и, изучивъ этотъ рассказъ, можно имѣть ясныя и вѣрныя представленія о вырожденіи.

Убѣжденіе, что пьянство и лѣность—послѣдствія дурного воспитанія, такъ прочно и непоколебимо, что и теперь большая преступность потомства преступниковъ объясняется именно дурнымъ воспитаніемъ. Весьма почтенные изслѣдователи, напримѣръ, Motet *), Н. Lolly **), утверждаютъ, что большая преступность оставленныхъ родителями дѣтей и сиротъ обусловлена ихъ дурнымъ воспитаніемъ.

*) Société des prisons. 1879.

**) Le combat contre le crime.

Указанія Kurella *) и мои **) на чисто-біологическія причины преступности такихъ дѣтей не обратили на себя вниманія. Какъ Kurella, такъ и я объясняемъ большую преступность заброшенныхъ дѣтей тѣмъ, что родители ихъ обладали ненормальной организаціей, что между прочимъ и выразилось ихъ безучастіемъ къ собственнымъ дѣтямъ. Нормальные, здоровые люди крайне рѣдко оставляютъ на произволъ судьбы собственныхъ дѣтей. Я счелъ необходимымъ указать на всеобщее убѣжденіе о значеніи воспитанія и вліянія среды, какъ причинъ порочныхъ и преступныхъ наклонностей, для того, чтобы отгнать необычайную наблюдательность Тургенева, еще въ 1881 г. понимавшаго вѣрнѣе причины преступности, чѣмъ теперь большинство ученыхъ.

Отецъ отчаяннаго, Миши Полтева, „былъ настоящий, старозавѣтный помѣщикъ, богобоязненный, степенный человекъ, достаточно по тому времени образованный“. Мать Миши была „бывшая институтка“; „она не дурно играла на фортепіано, говорила по-французски“, была „существомъ вполне честнымъ“, „ее постоянно поглощали заботы объ единственномъ своемъ сынѣ Мишѣ, котораго она воспитывала сама съ большимъ рвеніемъ“. Слѣдовательно, Миша выросъ въ самыхъ лучшихъ для того времени условіяхъ и получилъ прекрасное воспитаніе.

Какъ великій художникъ, Тургеневъ зналъ, что не воспитаніе создаетъ отчаянныхъ, а чисто органическія причины. Отецъ Миши былъ „немного, правду сказать, придурковатый, да къ тому же страдавшій падучей болѣзнью... Это тоже старозавѣтная дворянская болѣзнь...“

Мать Миши была „очень нервическая и болѣзненная особа“ она „охотно восторгалась, еще охотнѣе предавалась меланхоліи и даже слезамъ. Словомъ, характера была безпокойнаго“. Такимъ образомъ Миша былъ обремененъ тяжелой патологической наслѣдственностью; лишь рѣдко, въ видѣ

*) Kurella: Naturgeschichte des Verbrechers. S. 150—153.

**) Медицинское изученіе преступника. Труды V сѣзда Общества Русскихъ врачей. 1894.

исключения, дѣти такихъ родителей пользуются полнымъ здоровьемъ; обыкновенно они страдаютъ душевными и нервными болѣзнями. Вырождающіеся именно происходятъ отъ такихъ родителей.

Необходимо остановиться на бѣгломъ замѣчаніи Тургенева: падучая—старозавѣтная, дворянская болѣзнь. Мы не имѣемъ и не можемъ имѣть цифръ для провѣрки справедливости этого замѣчанія, но, насколько намъ извѣстны причины душевныхъ и нервныхъ болѣзней, я думаю, что Тургеневъ въ этой бѣгло брошенной фразѣ выказалъ глубокое и вѣрное сужденіе. Даже нѣкоторые психіатры увѣрены, что съ цивилизаціей возрастаетъ число душевно-больныхъ; одинъ весьма почтенный психіатръ объяснялъ увеличеніе въ Россіи числа душевно-больныхъ измѣненіями условій жизни, произведенными великими реформами Царя-Освободителя. Между тѣмъ никто не доказалъ, что число душевно-больныхъ увеличивается, да и нельзя этого доказать. Съ развитіемъ цивилизаціи улучшается призравіе душевно-больныхъ, и потому большее число душевно-больныхъ ищутъ помощи и призравія. Я вполне вѣрю Тургеневу, что эпилепсія—старозавѣтная дворянская болѣзнь; эпилептики-крестьяне въ дѣтствѣ погибали отъ недостаточнаго ухода, почему между дворянами и оказывалось больше эпилептиковъ.

У Миши Полтева мы находимъ слѣдующіе признаки вырожденія: „крупные, бѣлые и по-звѣриному заостренные зубы“, „нѣсколько выпуклые, влажные глаза“, „рѣзкій и даже дикій, почти звѣрскій смѣхъ“ (когда онъ смѣялся, „въ глазахъ пробѣгали нехорошія искры“), „розовое, свѣжее лицо“ и удивительную выносливость.

Психіатры мало обращали вниманія на глаза, то есть, на ихъ выраженіе, и потому второй и четвертый изъ упомянутыхъ признаковъ нуждаются въ особомъ разъясненіи.

Я уже нѣсколько лѣтъ изучаю выраженіе глазъ, ихъ блескъ у нервно и душевно-больныхъ; мнѣ было очень пріятно найти подтвержденіе моихъ наблюденій у столь хорошаго наблюдателя, какъ Тургеневъ. Тургеневъ подмѣтилъ,

что у вырождающихся, у невропатовъ глаза поражаютъ своими особенностями. Такъ, у Тѣглева (Стукъ... стукъ... стукъ...), человѣка ненормальнаго, „не совсѣмъ обыкновенны были только глаза, небольшіе, съ зелеными зрачками и зелеными рѣсницами; правый глазъ былъ чуть-чуть выше лѣваго, и на лѣвомъ глазу вѣко поднималось меньше, чѣмъ на правомъ, что придавало его взору какую-то разность—и странность, и сонливость“. У княгини Р. („Отцы и дѣти“), истерички *), „глаза были не велики и сѣры, но взгляды ихъ быстрый и глубокий, безпечный до удали и задумчивый до унынія—загадочный взглядъ. Что-то необычайное свѣтилось въ немъ“. Базаровъ былъ плохой наблюдатель, какъ это видно по слѣдующему его замѣчанію: „ты проштудируй-ка анатомію глаза: откуда тутъ взятыся, какъ ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизмъ, чепуха, гниль, художество“. Жаль, что многіе, также какъ и Базаровъ, просто отрицаютъ то, чего они не понимаютъ.

Я не могу описать тѣ аномаліи глаза, которыя характерны разнымъ формамъ душевныхъ болѣзней, потому что эти аномаліи не поддаются описанію; но что аномаліи глазъ у вырождающихся существуютъ,—безспорно. Рассказываютъ, что извѣстный психіатръ Морель, увидѣвъ малолѣтняго короля баварскаго Людвига II, предсказалъ, по его глазамъ, что онъ будетъ душевно-больнымъ.

Меня особенно поражаетъ наблюдательность Тургенева, когда онъ описываетъ удивительную выносливость Миши; онъ „прострѣлилъ себѣ руку. Пуля пролетѣла насквозь... а недѣлю спустя рана зажила совершенно“. „Вообще, здоровье у него было удивительное, неслыханное. Онъ до самой смерти сохранилъ почти дѣтскую свѣжесть лица. Болѣзней онъ не вѣдалъ, несмотря на всѣ излишества; крѣпость его организма ни разу не пошатнулась. Гдѣ бы другой непременно занемогъ опасно, или даже умеръ бы, онъ

*) Черемшанскій (Крафтъ-Эбингъ. Учебникъ психіатріи, стр. 584) полагаетъ, что княгиня Р. страдала циркулярнымъ помѣшательствомъ; я думаю, что она истеричка; въ сущности разногласіе тутъ не большое.

только встряхивался, какъ утка на водѣ, и расцвѣталъ пуше прежняго“.

Ломброзо и его послѣдователи обратили вниманіе на это мало понятное свойство вырождающихся, которое называется „неранимость“. Нѣкоторые врожденные преступники поражаютъ своею неранимостью; они легко переносятъ тяжелыя пораненія. На нихъ не влияетъ замѣтно самая ужасная гигиеническая обстановка. Профессоръ Оршанскій и я замѣтили, что у невропатовъ сифилисъ лишь очень рѣдко производитъ органическія заболѣванія нервной системы. Вообще, несомнѣнно, что нѣкоторые выраждающіеся отличаются „неранимостью“ или повышенной сопротивляемостью всѣмъ вреднымъ воздѣйствіямъ. Пока эта особенность ихъ организаціи необъяснена; потомъ я еще вернусь къ этому вопросу.

Замѣчательно, что Тургеневъ не случайно приписалъ Мишѣ неранимость: такимъ же поразительнымъ здоровьемъ и такою же неранимостью обладаетъ его „Степной Король Лиръ“. Харловъ былъ вырождающійся, что доказывается тѣмъ, что онъ страдалъ періодической меланхоліей, припадки которой прекрасно описаны авторомъ. Онъ обладалъ необычайною силой, „никогда и боленъ не бывалъ“. Громадная физическая сила, какъ вполнѣ вѣрно отмѣтилъ Тургеневъ, нерѣдко бываетъ признакомъ вырожденія; я пользовалъ душевно-больную мать всемірно извѣстнаго атлета. Неранимость Харлова такъ прекрасно описана въ предпоследней главѣ этой повѣсти, что нѣтъ надобности напоминать о ея проявленіяхъ.

Итакъ, Тургеневъ еще въ 1870 г. („Степной Король Лиръ“ написанъ въ 1870 г.), то-есть ранѣе Ломброзо *), установилъ, что неранимость, желѣзное здоровье суть признаки вырождающихся. Еще разъ нужно повторить, что великій художникъ даже въ чисто-спеціальныхъ вопросахъ можетъ давать полезныя указанія ученымъ.

*) L'uomo delinquente впервые было напечатано въ Atti dell' Instituto Lombardo въ 1871—1876 гг.

Теперь перейдемъ къ физиолого-психологическимъ признакамъ вырожденія у Миши.

Миша, еще до совершеннолѣтія, сейчасъ же послѣ смерти родителей продалъ за безцѣнокъ свое имѣніе и началъ дико, безумно кутить. Всю свою жизнь онъ всегда пьянствовалъ и, когда не на что было пить, выпрашивалъ милостыню и пропивалъ ее.

Авторъ отмѣчаетъ, на первый взглядъ, не важное, но въ сущности весьма серьезное обстоятельство: Миша „примѣрнымъ юношей оставался до 18-лѣтняго возраста, до самой смерти родителей“; продавъ за безцѣнокъ имѣніе, Миша сразу сталъ неистово кутить; въ два мѣсяца онъ прокутилъ всѣ деньги. Дядя Миши, рассказывающій его исторію, весьма основательно говоритъ: „И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ этотъ смирный и скромный мальчикъ превратиться въ пьянаго шалопа“. Дѣйствительно, здоровый нормальный мальчикъ не можетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ превратиться въ „пьянаго шалопа“. Во-первыхъ, нормальный мальчикъ не имѣетъ потребности въ спиртныхъ напиткахъ, не можетъ безъ продолжительнаго пріученія пить много и и непрерывно. Во-вторыхъ, „смирный и скромный“ мальчикъ всегда начинаетъ пить подъ руководствомъ болѣе опытныхъ пьяницъ. Миша, какъ вырождающійся, имѣлъ потребность въ спиртныхъ напиткахъ; неудержимая потребность въ алкоголѣ у такихъ лицъ появляется очень рано, и потому они еще до совершеннолѣтія дѣлаются пьяницами и притомъ сразу.

Удивительно, какъ эти несчастные начинаютъ сразу пить много и постоянно. Какъ только они получаютъ возможность пить, они подъ вліяніемъ своей неудержимой потребности дѣлаются пьяницами. Пьянство, какъ болѣзнь, или, правильнѣе говоря, проявленіе болѣзни отличается отъ пьянства, какъ порока, именно тѣмъ, что больные начинаютъ пить очень рано, сами ищутъ кутежа, а здоровые понемногу привыкаютъ къ пьянству и послѣ многихъ лѣтъ употребленія спиртныхъ напитковъ становятся пьяницами.

Миша, начавъ пить очень рано, уже не могъ обходиться безъ спиртныхъ напитковъ; онъ *не могъ* не пить, потому что у него была органическая потребность въ алкоголѣ; его организмъ требовалъ спиртныхъ напитковъ.

Дядя нѣсколько разъ спрашивалъ: „какой это злой духъ толкаетъ, заставляетъ пить запоемъ, рисковать жизнь и т. п. У него всегда былъ одинъ отвѣтъ: тоска! Да отчего—тоска? Какъ, помилуйте! Придешь, этакимъ образомъ, въ себя, чувствуешь, станешь размышлять о бѣдности, о несправедливости, о Россіи... Ну—и кончено! Сейчасъ тоска, хоть пулю въ лобъ! Закутишь поневолю“.

Миша вполне вѣрно объяснилъ свое пьянство тоской; нѣкоторые вырождающіеся имѣютъ то мрачное настроеніе духа, которое называется тоской. Алкоголь—могущественное анестезирующее средство; онъ притупляетъ всѣ неприятныя чувствованія, и въ этомъ его и морфія демоническая власть надъ всѣми несчастными, каковы бы ни были причины ихъ несчастія. Тоска, горе, физическія страданія заглушаются спиртными напитками и морфіемъ, и потому несчастные, вслѣдствіе болѣзни или внѣшнихъ обстоятельствъ, нуждаются въ алкоголѣ и морфіи.

Весьма естественно, что Миша объяснялъ свою тоску не патологической организаціей, а болѣе возвышенными мотивами. Мы такъ привыкли мотивировать свои психическія состоянія именно психологически и притомъ самыми возвышенными причинами, что не только больные, но и здоровые всегда объясняютъ свои психическія состоянія чисто психологическими причинами. Человѣкъ, заболѣвающий меланхоліей, стремится объяснить свое мрачное настроеніе, подыскиваетъ ему причины и или находитъ въ своемъ прошломъ какой либо проступокъ, объясняющій это настроеніе, или же ждетъ въ будущемъ несчастія, какъ причины своего мрачнаго настроенія. Онъ, наконецъ, приходитъ къ заключенію, что онъ страдаетъ за то, что не уплатилъ долга, или что онъ въ такомъ дурномъ настроеніи, потому что его торговлѣ угрожаетъ банкротство. Врачъ совершенно напрас-

но будетъ увѣрять его, что мрачное настроеніе обусловлено патологическимъ измѣненіемъ въ питаніи мозга,—такое объясненіе такъ непривычно, чуждо, обычно принятымъ сужденіямъ, что больной не можетъ его усвоить. Какъ можетъ больной понять и усвоить мысль о зависимости настроенія отъ состоянія организма, если онъ всю свою жизнь читалъ, слышалъ, думалъ, что психическія состоянія мотивированы психологически? Недавно я читалъ въ одномъ нашемъ лучшемъ журналѣ подробное разсужденіе о причинѣ пьянства Альфреда де Мюссе; авторъ весьма самоувѣренно объяснилъ пьянство этого поэта его политическимъ индифферентизмомъ. Что же удивительнаго въ томъ, что Миша объяснилъ свою тоску сильнымъ сочувствіемъ къ дѣламъ отечества? Онъ ошибался такъ же, какъ и авторъ статьи о Мюссе. Еще не скоро настанетъ то время, когда люди вполне поймутъ зависимость души отъ тѣла, отвыкнуть искать возвышенные мотивы для своихъ душевныхъ состояній и своего поведенія.

Конечно, для Миши „бѣдность“, „несправедливость“ и т. п. не имѣли никакого значенія; въ продолженіе всей своей жизни онъ ничего не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать для уменьшенія страданій ближнихъ. Какъ мало для него значили „бѣдность и несправедливость“, можно судить по слѣдующему. „Въ теченіе своихъ странствованій... онъ добрался также до своего родового гнѣзда“; угрозой скандала онъ заставилъ владѣльца этого имѣнія пригласить его къ себѣ и хорошенько угостить. Спервоначала Миша, правда, взялъ съ него слово, что онъ крестьянамъ „всякія льготы опредѣлитъ“, но уже часъ спустя онъ пьяный плясалъ галлопадомъ; а еще часъ спустя безпробудно заснувшій Миша, уложенный въ телѣгу, отправился въ городъ за двадцать пять верстъ—и оказался тамъ подъ заборомъ.

Вырождающіеся весьма различно реагируютъ на алкоголь; одни могутъ пить непостижимо много, другіе, наоборотъ, пьянѣютъ отъ очень небольшого количества. Извѣстно, что отношеніе къ алкоголю есть самая чувствительная проба